

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все примечания, комментарии и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

Russia

HL 1RP2 H

Dobrovol'skii

"ВЪ ПОДОЗРѢНІИ"

1906

RUS
986.4
DOB

HARVARD
LAW
LIBRARY

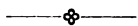
Digitized by Google

Dobrovol'skii, Dmitrii.

"V podozrenii".

S.-Peterburg, Tipo-litografiia M. P. Frolo-
voi, 1906.

„Въ подозрѣніи“.

По поводу диспута 9-го мая 1905 года
въ Новороссійскомъ университетѣ.

Dmitrii Dobrovolskii
Дмитрія Добровольскаго,

бывшаго студента С.-Петербургскаго университета.

Издание А. А. Добровольской.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-литографія М. П. Фроловой. Галерная ул., д. № 6.

1906.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 24-го марта 1906 г.

Предисловіе.

Настоящая статья была написана еще въ августѣ прошлаго 1905 года. Изъ-за ея объема и наступившихъ волненій она не могла быть помѣщена на страницахъ періодической печати. Въ октябрѣ послѣдовала смерть автора статьи... И только теперь у меня явилась возможность издать статью, исполнить волю моего покойнаго мужа, глубоко возмущеннаго несправедливостью, имѣвшей мѣсто въ Новороссійскомъ университетѣ 9 мая 1905 года, горячо убѣжденнаго въ правотѣ всего имъ написаннаго и считавшаго необходимымъ напечатаніе статьи для того, чтобы хотя отчасти содѣйствовать возстановленію истины.

А. Добровольская.

„Въ подозрѣніи“.

9-го мая 1905 года прив.-доц. С.-Петербургскаго университета А. Г. Тимофеевъ защищалъ въ Новороссійскомъ университетѣ свою диссертацию „Исторія тѣлесныхъ наказаній въ русскомъ правѣ“, на степень магистра уголовного права. Официальными оппонентами выступили проф. П. Е. Казанскій и А. Я. Шпаковъ. Первый отозвался о диссертаци г. Тимофеева очень благопріятно, но второй и, вслѣдъ за нимъ, нѣсколько частныхъ оппонентовъ отнеслись къ работѣ аспиранта съ рѣзкимъ порицаніемъ. Тѣмъ не менѣе, большинство факультета признало диссертацию удовлетворительной и автора ея достойнымъ ученой степени. Это не понравилось присутствовавшей на диспутѣ публикѣ, которая тутъ же учинила грандіозный скандалъ до битья стеколъ въ актовомъ залѣ включительно. Къ сожалѣнію, одесскія, а съ ихъ словъ и нѣкоторыя петербургскія газеты не ограничились сообщеніемъ одной фактической стороны дѣла, но сочли нужнымъ „освѣтить“ этотъ инцидентъ и притомъ съ предвзятой точки зрѣнія (см., напр., „Новости“ № 123). Неудачныя и рискованныя сопоставленія, многозначительные намеки и глухія недомолвки должны были оскорбить очень больно и совершенно незаслуженно личность А. Г. Тимофеева не только какъ ученаго, но и какъ гражданина.

Въ теченіе пяти лѣтъ моей студенческой жизни, я былъ близкимъ ученикомъ прив.-доц. Тимофеева и имѣлъ достаточно времени и случаевъ узнать и даже изучить этого человѣка не только какъ лектора, но именно какъ и гражданина. Въ поясненіе скажу, что пребываніе мое въ университетѣ совпало съ самыми тяжелыми годами русской академической жизни (1897—1902), когда сила и характеръ общественныхъ событій настойчиво требовали и отъ профессора и отъ студента громкаго опредѣленнаго отвѣта

на щекотливый иногда вопросъ: „како вѣруеши?“ Поэтому я считалъ бы постыднымъ со своей стороны слушать молча и равнодушно необоснованныя, а иногда и вовсе неопредѣленные обвиненія, съ такою развязностью предъявлявшіяся къ г. Тимофееву на диспутъ 9-го мая, а затѣмъ и въ нѣкоторыхъ газетахъ.

Въ самомъ диспутѣ, въ его обстановкѣ и въ отчетахъ о немъ газетъ есть что-то недоговоренное, неясное, наталкивающее читателя на мысль о зарытой собакѣ. Дѣйствительно, въ чемъ кроются причины, не говорю — чрезмѣрной строгости оппонентовъ, часто выходившихъ за предѣлы научнаго спора, но и явной ихъ придиричivosti, а иногда и грубости? Въ чемъ тайна изступленно-враждебнаго отношенія къ аспиранту публики, присутствовавшей на диспутѣ? Чѣмъ объясняется недоброжелательный и оскорбительный тонъ газетныхъ замѣтокъ, посвященныхъ г. Тимофееву?

Прежде всего у читателя, конечно, явится мысль, что во всемъ происшедшемъ виноватъ самъ г. Тимофеевъ, и только онъ одинъ. Человѣкъ, очевидно, пожалъ то, что сѣялъ. Оппоненты возмущены были научными недостатками его книги, а публика и печать при семъ удобномъ случаѣ свела съ нимъ счеты за его анти-общественный образъ мыслей и предшествовавшую „вредную“ дѣятельность. Не трудно видѣть, какъ можетъ разыгратъ въ этомъ направленіи фантазія современнаго подозрительнаго русскаго обывателя. Но такое рѣшеніе вопроса было бы самымъ неудачнымъ. Я ставлю себѣ нравственнымъ долгомъ доказать послѣдующими строками, что А. Г. Тимофеевъ рѣшительно ни въ чемъ передъ прогрессивною частью русскаго общества не повиненъ. При этомъ я не забуду великаго правила: „Amicus Plato... sed magis amica veritas“. Тогда, можетъ быть, виноваты оппоненты, создавшіе „настроеніе“ публики, умѣлой игрой на ея больныхъ струнахъ? Можетъ быть, у нихъ были цѣли, ничего общаго съ выясненіемъ научной истины неимѣющія? Можетъ быть, здѣсь кроется интрига, или то явленіе задыхающейся русской жизни, которое слишкомъ извѣстно подъ символическимъ именемъ „личностей?“ Я далекъ отъ мысли утверждать что-нибудь подобное, такъ какъ не имѣю къ тому никакихъ основаній. Но если у кого-нибудь (какъ и у меня) являются подозрѣнія на этотъ счетъ, то они легко извиняются общеизвѣстнымъ фактомъ, что и, такъ называемые, „храмы науки“ имѣютъ свои кулисы, иногда весьма грязныя. Возможно, конечно, что Новороссійскій университетъ представляетъ блестящее исключеніе. Вакантности каеэдры уголовного права въ названномъ уни-

верситетѣ, разумѣется, нѣтъ основаній придавать въ этомъ дѣлѣ значеніе. Наконецъ, приходитъ въ голову и третье предположеніе, имѣющее много данныхъ за себя особенно для тѣхъ пытливыхъ людей, которые даже въ маломъ любятъ смотрѣть „въ корень“. Именно: ни самъ г. Тимофеевъ, ни его оппоненты не виновны въ происшедшемъ, смыслъ котораго заключается въ общихъ условіяхъ русской жизни. Публика же на диспутѣ лишь исполнила роль хора въ древне-греческихъ трагедіяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, русскому обществу хорошо знакомо понятіе непотизма. Дѣйствующій университетскій уставъ съ его уродливостями породилъ типъ ученаго, бездарнаго и искательнаго, пробивающаго себѣ путь къ каѳедрѣ въ шкурѣ ласковаго теленка, сосущаго двухъ матокъ. Угодливое подпѣваніе вліятельнымъ членамъ факультета, апологія существующаго порядка (не только весьма сомнительными статьями въ реакціонныхъ органахъ печати, но и организаціей консервативной части студенчества и даже устройствомъ уличныхъ, такъ называемыхъ, „потребитическихъ“ манифестацій)—все это пути къ каѳедрѣ, часто болѣе надежные, чѣмъ истинный талантъ или хотя бы простыя добросовѣстность и трудолюбіе. Немало иногда способствуетъ успѣху и женитьба на дочери патрона. Вѣдь не напрасно же одинъ молодой приват-доцентъ, совершенно неожиданно для студентовъ получившій отвѣтственную каѳедру, увѣрялъ своихъ недоумѣвающихъ слушателей, что толки о его женитьбѣ на дочери N (вліятельнаго профессора и сановника) не имѣютъ основанія... И вотъ въ то время, когда такіе блестящіе таланты, какъ М. Ковалевскій, Исаевъ, Эрисманъ, Виноградовъ, Рейснеръ и др. вынуждены искать гостепріимства у заграничныхъ университетовъ, въ Россіи разные ласковые пигмеи покушаются „съ негодными средствами“ двинуть впередъ науку. Чего, въ самомъ дѣлѣ, можно ожидать отъ современнаго молодого ученаго, который, по ѣдкому замѣчанію В. И. Сергѣевича, „изъ двухъ книжекъ дѣлаетъ третью“...

Понятно, что пробужденное русское общество между прочими своими desiderata ставитъ большую строгость и справедливость при замѣщеніи каѳедръ и раздачѣ ученыхъ степеней. Наученное горькимъ опытомъ прошлаго, оно не можетъ не относиться подозрительно ко всякому новому факту въ этой области. Въ такой именно районъ естественной (но въ данномъ случаѣ, какъ увидимъ, совершенно неосновательной) общественной подозрительности и предвзятости имѣлъ несчастье попасть и А. Г. Тимофеевъ со своимъ магистерскимъ диспутомъ. Одесскія газеты („Од. Нов.“ отъ 11 мая и „Од. Лист.“ отъ 12 мая) и петербургскія

(„Нов.“ № 123; „Русь“ №№ 126, 130; „Бирж. Вѣд.“ и даже „Право“ № 22) въ своихъ одностороннихъ, а иногда прямо тенденціозныхъ отчетахъ о диспутѣ 9 мая стараются подвести г. Тимофеева подъ выше нарисованный отталкивающій типъ ученаго. Дѣйствительно, какую иную цѣль могутъ преслѣдовать указанія на „консервативное большинство факультета“, на присужденіе г. Тимофееву степени „*quand même*“, на „побѣду *отживающихъ* партій“, на „хорошее *направление*“ г. Тимофеева и проч. Эти крылатыя словечки такъ краснорѣчивы и прозрачны, что не нуждаются даже въ многозначительномъ, кивающемъ „*sapienti sat*“. Однако надѣюсь, что послѣдующія строки убѣдятъ читателя въ отсутствіи какого бы то ни было сходства между А. Г. Тимофеевымъ и выше начерченнымъ типомъ ученаго.

Диспутъ прив.-доц. Тимофеева газета „Русь“ (№ 126) совершенно справедливо называетъ „не совсѣмъ обыкновеннымъ“. *Прежде всего поражаетъ его нечеловѣческая, я сказалъ бы— безчеловѣчная продолжительность—съ часу дня до 10 часовъ вечера.* Итого ученый споръ продолжался цѣлыхъ 9 часовъ! Правда, гдѣ-нибудь на озерѣ Свѣтлоярѣ старообрядческіе начетчики спорятъ по 12 и болѣе часовъ сряду. Но здѣсь рѣчь шла не о „седьми просфорахъ“ или „хожденіи посолонъ“, а о весьма сложныхъ вопросахъ русскаго права и исторіи. При этомъ не нужно упускать изъ виду, что оппоненты г. Тимофеева мѣнялись, а онъ безсмѣнно (еще бы!) находился на каедрѣ въ теченіе цѣлыхъ 9 часовъ. Принимая въ соображеніе среднюю утомляемость современнаго культурнаго человѣка и его нервность, судите сами о серьезности и достоинствахъ научнаго спора, растянутаго на число часовъ большее, чѣмъ идеальный трудовой день рабочаго. Уже одна эта длительность преній достаточно объясняетъ естественную раздражительность, въ которую впалъ г. Тимофеевъ къ концу спора и надъ которою такъ зло иронизировали газеты. Рѣшительно отказываюсь понимать людей, у которыхъ повернулись языкъ и рука высмѣивать эту раздражительность при упомянутомъ условіи. Впрочемъ, газетныя сообщенія о поведеніи г. Тимофеева на диспутѣ всякій, знающій его лично, приметъ *cum grano salis*, до такой степени приписываемыя ему нервныя выходки не соотвѣтствуютъ его ровному и выдержанному характеру. Какъ бы то ни было, нервное настроеніе диспутанта станетъ еще болѣе понятнымъ, если вспомнить оригинальные, чтобы не сказать иначе, приемы возраженія, употребленные нѣкоторыми, крайне несдержанными и некорректными оппонентами.

Возраженія смѣнялись грубостью, отъ которой довольно явственно подчасъ пахивало улицею; тема изслѣдованія отходила на второй планъ и, вмѣсто нея, подставлялась личность изслѣдователя; спокойная критика крадучись переходила въ страстную травлю. Получалось зрѣлище поистинѣ отвратительное, для котораго университетскій залъ былъ менѣе всего подходящимъ мѣстомъ. И тысячу разъ правъ г. Буква („Нов.“ № 123), заявляя, что это былъ первый въ русской наукѣ случай, когда газетный рефератъ объ университетскомъ диспутѣ смѣло могъ быть помѣщенъ въ отдѣлѣ „городскихъ происшествій“.

Дѣйствительно, нужно имѣть мертвенное спокойствіе манекена, чтобы хладнокровно выслушать, напр., грубое утвержденіе проф. Косинскаго о невозможности вступать съ аспирантомъ въ научный споръ, такъ какъ представленная диссертация не научный трудъ, а ученый хламъ. Не могли также способствовать поддержанію ровнаго, спокойнаго состоянія духа диспутанта и нѣкоторые возраженія официальнаго оппонента проф. А. Я. Шпакова, весьма сомнительно обоснованныя и направленные къ умаленію честности и добросовѣстности автора въ самомъ обыденномъ значеніи этихъ словъ. По утверженію проф. Шпакова выходило, что г. Тимофеевъ пользовался первоисточниками изъ вторыхъ рукъ и дѣлалъ ссылки, не оправдавшіяся при провѣркѣ. Но эти и нѣкоторые другія замѣчанія указаннаго оппонента, неимѣющія specialнаго научнаго характера, настолько интересны, что хочется (и должно) остановиться на нихъ подробнѣе.

Прежде всего невольно бросается въ глаза то обстоятельство, что на протяженіи *всѣхъ* 44 страницъ убористаго шрифта своего печатнаго отзыва о диссертациі г. Тимофеева проф. Шпаковъ только и дѣлаетъ, что находитъ у автора одни недостатки. Такимъ образомъ, получается впечатлѣніе, что книга г. Тимофеева не имѣетъ ни *одного* достоинства. Поверхностный читатель этому повѣритъ наивно, а серьезный впадетъ въ сомнѣніе. Трудно, конечно, помириться съ мыслью, чтобы книга, выходящая вторымъ изданіемъ, насчитывающая лѣтъ 7—8 жизни и представленная въ качествѣ диссертации, такъ-таки не имѣла ни одного достоинства... Сомнѣніе окажется вполне основательнымъ, если познакомиться съ печатнымъ отзывомъ о той же книгѣ другого официальнаго оппонента проф. П. Е. Казанскаго.

Оказывается, что не одинъ проф. Казанскій находитъ положительные научныя достоинства за трудомъ г. Тимофеева, но того же мнѣнія держится и цѣлый рядъ весьма замѣтныхъ въ русской наукѣ ученыхъ, какъ, напр., проф. Латкинъ, Розинъ,

Гогель, покойный Дебольскій. Не далѣе какъ въ февралѣ 1905 г. В. Н. Латкинъ помѣщаетъ одобрительную рецензію на „Исторію тѣлесныхъ наказаній“ въ № 2 „Историческаго Вѣстника“. Книга г. Тимофеева не вчера вышла въ свѣтъ; первое ея изданіе появилось въ 1897 г. Слѣдовательно было достаточно времени для ознакомленія съ нею нашихъ ученыхъ. По даннымъ проф. Казанскаго, русскіе криминалисты и историки права не только ознакомились съ работою прив.-доц. Тимофеева, но и воспользовались ею при составленіи своихъ учебныхъ курсовъ. Такъ на нее ссылаются въ своихъ курсахъ: проф. Латкинъ, Владимірскій-Будановъ, Сергѣевичъ, Сергѣевскій, Есиповъ, Бѣлогрицъ-Котляревскій. Н. С. Таганцевъ въ своемъ капитальномъ курсѣ изд. 1902 г. не только часто указываетъ, но и цитируетъ г. Тимофеева. (См. „Мнѣніе орд. проф. П. Е. Казанскаго о диссертациі А. Г. Тимофеева... доложенное въ собраніи юрид. фак. Новороссійскаго университета 26 марта 1905 г. Одесса. Экономическая типографія“).

Проф. Шпаковъ, критикуя выполненіе темы, критикуетъ и самую тему. По его мнѣнію, нашъ авторъ взялъ на себя далеко неблагодарную задачу, изслѣдуя вопросъ объ исторіи тѣлесныхъ наказаній въ Россіи. Тема эта, по завѣренію г. Шпакова, далеко не нова въ русской ученой литературѣ. Противоположнаго мнѣнія держится проф. Казанскій: „Оцѣнивая значеніе предмета, на которомъ остановился г. Тимофеевъ, говоритъ онъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что исторія тѣлесныхъ наказаній не только въ Россіи, но и вообще мало разработана. Привѣтствуя появленіе книги г. Тимофеева, проф. Розинъ указываетъ, что работа его относится къ отдѣлу уголовного права, который называется ученіемъ о наказаніи и почти не имѣетъ у насъ специально посвященныхъ ему трудовъ“ („Мнѣніе“, стр. 16). Что дѣлать, если г. Шпакову нравится оставаться при „особомъ мнѣніи!..“

Далѣе проф. Шпаковъ укоряетъ г. Тимофеева въ пользованіи первоисточниками изъ вторыхъ рукъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ это ни странно, въ неумѣломъ пользованіи этимъ матеріаломъ („Право“ № 22). Здѣсь явное противорѣчіе: только непосредственное пользованіе первоисточниками можетъ быть умѣлымъ или неумѣлымъ. Опроверженіе этого упрека проф. Шпакова находимъ въ отзывѣ проф. Казанскаго, который на протяженіи девяти страницъ говоритъ какъ разъ обратное (см. „Мнѣніе“, стр. 23—32). „Заключеніе можетъ быть только одно, читаемъ у проф. Казанскаго, работа г. Тимофеева является самостоятельнымъ изслѣдованіемъ, оставляющимъ позади себя все, что было

сдѣлано раньше. Г. Тимофеевъ исчерпалъ не только всю специальную литературу вопроса, но и широко ознакомился, если не со всѣми, то съ очень многими работами, которыя имѣли какое-либо отношеніе къ нему. Такихъ работъ, относящихся до двухъ основныхъ отдѣловъ его книги, я насчиталъ около 200. Обзоръ-вая громадный литературный матеріалъ, который г. Тимофеевъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи, я не могу не сказать, что имъ сдѣлано и въ этомъ отношеніи по меньшей мѣрѣ все, что можно требовать отъ магистерской диссертациі. („Мнѣніе“, стр. 31).

Другой упрекъ г. Шпакова въ недобросовѣстности касается ссылокъ на первоисточники, которыя не подтверждаются при провѣркѣ. Г. Шпаковъ почему-то не сомнѣвается, что здѣсь — не что иное, какъ недобросовѣстность. Только совершенно отказавшись отъ естественной между порядочными людьми *praesumptio boni viri*, г. Шпаковъ могъ найти здѣсь недобросовѣстность. Несовпаденіе ссылокъ и соотвѣствующихъ мѣстъ первоисточниковъ въ дѣйствительности объясняется гораздо проще и невиннѣе. Читатель благоволитъ убѣдиться въ этомъ изъ нижеслѣдующихъ сопоставленій. У А. Г. Тимофеева напечатано: на стр. 86, прим. 1: Уложение 1649 г., гл. X, 104. А надо: гл. XXI, 104. На стр. 225: Ул. 1649 г., гл. II, 12, 13. А надо: гл. II, 14. На стр. 232: Ул. 1649 г., гл. XI, 34. А надо: гл. XVII, 34. На стр. 256: Ул. 1649 г., гл. X, 149. Надо: гл. X, 141. Наконецъ, на стр. 201 „Исторіи тѣлесн. нак.“ въ прим. 3 авторъ ссылается на „Полн. Собр. Лѣт.“, т. VI, стр. 39. „Въ указываемомъ мѣстѣ лѣтописи, торжественно и уничтожающе заявляетъ г. Шпаковъ (см. „Отзывъ“, стр. 42), нѣтъ ничего подобнаго, на что ссылается г. Тимофеевъ“. Однако, подозрительность г. Шпакова пріобрѣтаетъ нѣсколько комическій характеръ, когда читатель узнаетъ, что ссылка г. Тимофеева подтверждается, если заглянемъ въ то же „Полн. Собр. Лѣт.“, на ту же 39 страницу, но только въ IV томъ. Всѣ вышеприведенныя сопоставленія менѣе всего даютъ поводъ заподозрить автора въ недобросовѣстности. Не говорю уже о наивности подобнаго предположенія. Кто же, въ самомъ дѣлѣ, рискнетъ, подавая диссертацию на судъ специалистовъ (возможно даже враждебныхъ), дѣлать фиктивные ссылки, чтобы быть уличеннымъ на мѣстѣ преступленія, какъ мошенничающій школьникъ? Г. Шпаковъ, видимо, не подумалъ объ этомъ, бросая автору съ легкимъ сердцемъ свое тяжелое обвиненіе. А между тѣмъ ларчикъ, надъ которымъ такъ мудрилъ г. Шпаковъ, открывается очень просто, и, я думаю, читатель уже догадался, въ чемъ дѣло. Передъ нами рядъ самыхъ невинныхъ и наивныхъ опечатокъ. Ни больше, ни

меньше. Дѣйствительно, во всѣхъ вышеприведенныхъ ссылкахъ изъ двухъ цифръ, римской и арабской, опечатку находимъ обыкновенно въ одной. Даже болѣе того—въ многозначныхъ цифрахъ опечатка поразила лишь одинъ знакъ. Ужъ поистинѣ „нерѣдко трудъ и мудрость видимъ тамъ, гдѣ“ и т. д. Труда, во всякомъ случаѣ, не мало положилъ г. Шпаковъ, уловляя корректора и наборщиковъ книги г. Тимофеева. Такое трудолюбіе достойно лучшей доли, и вызываетъ мысль о печальной памяти временахъ схоластики.

Оставляя на совѣсти г. Шпакова тѣ его возраженія, которыя требуютъ спеціальнаго знанія и о которыхъ я, за некомпетентностью, не въ правѣ говорить, не могу не остановиться на нѣкоторыхъ мѣстахъ его отзыва, удивившихъ меня, простого смертнаго. Такъ, напр., можно ли утверждать, что авторъ незнакомъ съ исторіей составленія „Воинскаго Устава“ только потому, что онъ о ней не упоминаетъ? Можетъ быть просто авторъ не считалъ этотъ вопросъ относящимся къ своей темѣ? Вообще позорѣніе въ незнаніи элементарныхъ вещей изъ области исторіи права любимый конекъ г. Шпакова, на котораго онъ охотно садится, преступая всякую художественную мѣру.

Не знаю, напримѣръ, на какую публику рассчитывалъ г. Шпаковъ, утверждая, что г. Тимофеевъ имѣетъ смутныя понятія о вліяніи Монтеスキе и Бекариа на „Наказъ“ Екатерины II. Вѣдь это такъ элементарно, что, кажется, давно уже извѣстно всякому, „даже не обучающемуся въ семинаріи“. Какъ нужно презирать публику, какъ быть увѣреннымъ въ ея невѣжество, чтобы рѣшиться бросать передъ нею подобныя передержанныя обвиненія!

Едва-ли не большее недоумѣніе возбуждаетъ и непозволительная въ отзывѣ на диссертацию...придирчивость. Пусть скажетъ читатель, положи руку на сердце, что иное, какъ не придирку, недостойную ученаго спора, составляютъ слѣдующіе упреки проф. Шпакова. Г. Тимофеевъ пишетъ: „Татищевъ“, а надо, видите-ли, „Татищовъ“. Г. Тимофеевъ говорить о митрополитѣ: „упросилъ“, а надо — „печаловался“. Опять явленіе нашей старой знакомой мадамъ Схоластики, къ которой г. Шпаковъ питаетъ нескрываемое нѣжное чувство. Я не знаю, можетъ быть, съ точки зрѣнія специалистовъ и въ самомъ дѣлѣ великое преступленіе, навсегда закрывающее двери рая, измѣнить букву въ фамиліи или вмѣсто одного слова взять его синонимъ. Хотя невозможно допустить, чтобы А. Г. Тимофеевъ не зналъ опредѣленнаго историческаго термина „печаловаться“ (это знаетъ всякій гимназистъ, перелистывавшій учебникъ Иловайскаго), но проф. Шпаковъ

считаетъ нужнымъ и приличнымъ на протяженіи чуть ли не цѣлой страницы скорбѣть о невѣжествѣ автора. Удивительно пріятное занятіе ломиться въ открытую дверь. Шуму много, а труда никакого. И себѣ легко, и людямъ развлеченіе.

Наконецъ, г. Шпаковъ бросаетъ еще одно обвиненіе, которое, въ сущности, тоже можно отнести къ вышеприведеннымъ обвиненіямъ въ недобросовѣстности. Именно: на обложкѣ книги г. Тимофеева значится: „изданіе 2-е, переработанное и дополненное“. А г. Шпаковъ называетъ 2-е изд. (см. его „Отзывъ“, стр. 44) ни больше, ни меньше, какъ простою перепечаткою перваго. Между тѣмъ, у проф. Казанскаго находимъ цѣлую главу „отличіе втораго изданія отъ перваго“, въ которой на трехъ печатныхъ страницахъ авторъ „Мнѣнія“ говоритъ объ этихъ отличіяхъ („Мнѣніе“, стр. 9, 10, 11).

„Од. Нов.“ съ какимъ-то сладострастіемъ злорадства странно повѣствуютъ, какъ проф. Шпаковъ „съ безпощадностью строгаго ученаго“ (подумаешь, какая умилительная почтительность, едва-ли не благоговѣніе) разбилъ въ пухъ и прахъ диспутанта и не призналъ его достойнымъ искомой степени. Прочитавъ внимательно отзывъ г. Шпакова, я, дѣйствительно, нашелъ въ немъ строгость, даже слишкомъ много строгости, увы, переходящей подчасъ въ недостойную ученаго придирчивость. Но, къ крайнему сожалѣнію, я не нашелъ въ отзывѣ г. Шпакова того драгоценнаго качества, которое является непремѣннымъ условіемъ всякой критики. Я не нашелъ безпристрастности.

Что касается до общественнаго значенія книги г. Тимофеева, то и здѣсь не обошлось безъ многозначительныхъ намековъ и кивковъ, не имѣющихъ подъ собою никакого основанія. Такъ „Русь“ (№ 126) бросаетъ краткую фразу: „написана сія диссертация до отиѣны у насъ тѣлесныхъ наказаній“. Даже архаизмъ „сія“ имѣетъ въ этой фразѣ великолѣпный, хотя и довольно сокровенный смыслъ. Къ чему это? Вѣдь эта фраза являетъ недвусмысленное намѣреніе поселить въ читателѣ предположеніе, что г. Тимофеевъ угодливо оправдываетъ тѣлесныя наказанія и принадлежитъ къ числу ихъ теоретическихъ сторонниковъ. Хотя знаменитый Фр. Листъ въ извѣстной мѣрѣ признаетъ цѣлесообразность тѣлесныхъ наказаній, но это вовсе не бросаетъ тѣни на его гражданскую личность. Такъ — въ западной Европѣ. Но у насъ, по весьма понятнымъ причинамъ, приверженность тѣлеснымъ наказаніямъ (хотя бы чисто теоретическая) — предсудительна. Кстати, обращаю вниманіе юридической газеты „Право“ на ея одесскаго корреспондента, который, кажется, самъ увѣренъ

и другихъ хочеть увѣрить, будто Фр. Листъ — „одинъ изъ главныхъ представителей антропологической школы“ и будто привилегированныя сословія были изъяты при Петрѣ В. отъ тѣлесныхъ наказаній. Впрочемъ, это à part.

Что прив.-доц. Тимофеевъ — послѣдовательный противникъ тѣлесныхъ наказаній и что не можетъ быть въ этомъ ни малѣйшаго сомнѣнія, легко убѣдится всякій, прочитавъ его книгу. Тѣмъ болѣе становится непонятнымъ обвиненіе прив.-доц. Орженцкаго, будто г. Тимофеевъ „категорически отрицаетъ тѣлесныя наказанія только въ тѣхъ случаяхъ, когда они вполне отмѣнены, а тамъ, гдѣ они сохраняются, тамъ онъ ихъ въ лучшемъ случаѣ осторожно журить“. Очень жаль, что „Право“, приводя это оскорбительное замѣчаніе, не указываетъ тѣхъ мѣстъ въ книгѣ г. Тимофеева, на которыя прив.-доц. Орженцкій обязанъ былъ сослаться въ подтвержденіе своихъ словъ. Или г. Орженцкій бросилъ свою фразу, не потрудившись даже обосновать ее!? Но далѣе, слѣдуя за прив.-доц. Орженцкимъ, мы уже попадаемъ прямо въ... „страну чудесъ и сказочныхъ, волшебныхъ превращеній“. Въ самомъ дѣлѣ, тотъ же оппонентъ, не моргнувъ глазомъ, утверждаетъ, будто у аспиранта попадаетъ фраза: „для высшихъ классовъ тѣлесныя наказанія непригодны, а для низшихъ неудобны“. И что же? Проштудировавъ внимательно книгу А. Г. Тимофеева, я вовсе не нашелъ этой фразы: ея нѣтъ въ книгѣ. Tableau!

Непостижимо, какія намѣренія были у прив.-доц. Орженцкаго. Calumniare audacter... semper aliquid haeret. А насторожившаяся публика на диспутѣ, которой, конечно, было мало дѣла собственно до исторіи тѣлесныхъ наказаній, жадно подхватывала напряженнымъ ухомъ эти хлесткія фразы и жестокія обвиненія. Въ результатъ — дешевые апплодисменты по адресу обличителей мнимыхъ преступленій и нарастаніе враждебнаго чувства къ аспиранту, вылившагося въ концѣ концовъ въ скандалъ до такой степени отвратительный, что только поперхнувшись, можно его назвать идейной демонстраціей. Кажется, гг. оппоненты переборщили. Въ самомъ дѣлѣ, битье стеколъ, ломаніе мебели, устремленіе публики въ комнату, куда вышелъ аспирантъ и другіе номера въ программу, конечно, не входили. Всего этого „немножко много“. Впрочемъ, въ такихъ случаяхъ трудно не зарваться: слишкомъ великъ соблазнъ. Судя по газетнымъ отчетамъ, можно подумать, что одесская публика „чествовала“ 9 мая въ зданіи Новороссійскаго университета завязатаго реакціонера, демонстрировавшаго передъ нею усовершенствованный „самосѣкъ“.

Кстати, я навѣрное знаю, что диссертация А. Г. Тимофеева ранѣе ни въ одинъ изъ российскихъ университетовъ для соисканія ученой степени представляема не была, и потому утверждение обратнаго со стороны „Руси“ (№ 126) представляется заблужденіемъ.

Говоря о книгѣ г. Тимофеева, я не могу не сказать о томъ впечатлѣніи, которое она производитъ на прогрессивнаго читателя. Отмѣна у насъ тѣлесныхъ наказаній состоялась, какъ извѣстно, весьма недавно (манифестъ 11 авг. 1904 г.). Поэтому вопросъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ никакъ нельзя отнести къ разряду вопросовъ историческихъ, архивныхъ. *Избравъ для своей диссертации живую тему, г. Тимофеевъ и разработалъ ее въ духѣ, удовлетворяющемъ лучшія пожеланія передовой части русскаго общества.* Въ этомъ отношеніи онъ имѣетъ много общаго съ Г. А. Джаншиевымъ. Недаромъ же послѣдній, по подсчету проф. Казанскаго, 13 разъ ссылается въ своей „Эпохѣ великихъ реформъ“ (изд. 7-е и слѣд.) на г. Тимофеева и дѣлаетъ однѣхъ прямыхъ выписокъ изъ его книги около 2-хъ страницъ („Мнѣніе“, стр. 7, 8). Но въ Одессѣ судили иначе, и потому—эти сообщенія о звонѣ разбиваемыхъ стеколъ, трескѣ мебели, крикахъ, свисткахъ...

Казалось бы, тѣ качества, которыми предупредительно надѣлили г. Тимофеева нѣкоторыя газеты, должны были обезпечить ему всяческое преуспѣяніе, но какъ это ни странно, они даже не застраховали его отъ мелкихъ утѣсненій университетской инспекціи, отводившей ему, не знаю, по какимъ соображеніямъ (по крайней мѣрѣ, въ мое время), тѣсныя аудиторіи при завѣдомо большемъ числѣ слушателей.

Хотя уже прошло около трехъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я слышалъ въ послѣдній разъ прив.-доц. Тимофеева, но мнѣ живо вспоминаются его лекціи и тотъ гуманный, благородный духъ, которымъ онѣ были всегда проникнуты. Этимъ именно духомъ объясняется близость и связь, прочно державшаяся между А. Г. Тимофеевымъ и его слушателями. Связь эта не ограничивалась стѣнами университета и вопросами чисто научными, но и выходила за ихъ предѣлы. То были годы, когда университетъ открыто и опредѣленно выступилъ, какъ учрежденіе общественное, и каждый мало-мальски живой студентъ сталъ лицомъ къ лицу съ вопросами „общаго характера“. И среди тѣхъ, увы, немногихъ профессоровъ, къ которымъ тянулась подчасъ растерянная молодежь, былъ и А. Г. Тимофеевъ.

Съ теплымъ чувствомъ я вспоминаю его, болѣе чѣмъ скром-

ную, квартиру въ глухой части Петерб. стороны, гдѣ, въ перенедней, въ опредѣленные дни неизмѣнно болталось на вѣшалкѣ нѣсколько обтрепанныхъ студенческихъ пальто. Въ небольшой комнатѣ шли оживленные споры, приобретающіе особенный интересъ, благодаря участію самого А. Г., обладающаго большою начитанностью въ вопросахъ экономическихъ и государственнаго права. Это было дѣйствительное, органическое единеніе, а не то искусственное, механическое и лицемѣрное, которое тщетно пытались установить между профессорами и студентами путемъ разныхъ „практическихъ занятій“. Не могу пройти молчаніемъ эпизодъ, о которомъ я сохранилъ благодарную память и который рисуетъ А. Г. Тимофеева и какъ человѣка въ его отношеніяхъ къ студентамъ. Весною 1902 г. были арестованы и заключены въ тюрьму большинство старостъ спб. университета, въ томъ числѣ и пишущій эти строки. Когда, мѣсяца черезъ 1½ послѣ ареста, мы, до того времени совершенно отрѣзанные отъ внѣшняго міра, получили право, такъ называемыхъ, „свиданій“ и „передачъ“, только трое изъ профессоровъ вспомнили о насъ и оказали намъ нравственную и матеріальную поддержку, въ которой мы весьма нуждались. И здѣсь мнѣ пріятно вспомнить имена этихъ трехъ людей, не забывшихъ о насъ. То были: М. И. Горчаковъ, Ѳ. А. Браунъ и... А. Г. Тимофеевъ. Если бы А. Г. Тимофеевъ былъ „чиновникомъ“ (въ кавычкахъ, понятно), то, думаю, ему не было бы до насъ никакого дѣла. Отзвонилъ — и съ колокольни долой.

Характеристикою г. Тимофеева служить и приглашеніе его въ Парижскую русскую высшую школу, гдѣ въ концѣ 1903 г. и въ началѣ 1904 г. онъ читалъ лекціи. Трудно предположить, чтобы руководителямъ этой школы пришла въ голову курьезная идея пригласить въ качествѣ лектора отечественнаго „чиновника“. Думаю, что такія лица, какъ М. Ковалевскій, Исаевъ, Гамбаровъ, достаточно компетентные цѣнители научныхъ достоинствъ и способностей тѣхъ ученыхъ, которыхъ они приглашаютъ. Сомнительно также, чтобы и г. Тимофеевъ съ багажемъ ранѣе упомянутыхъ (со словъ нѣкоторыхъ газетъ) качествъ и при отсутствіи дарованій и добросовѣстности рискнулъ взойти на кафедру Русской Высшей Школы.

Всею этою „скучною исторіею“ я занималъ читателя на протяженіи нѣсколькихъ страницъ лишь потому, *что въ ней, по моему глубокому убѣжденію, заключается интересъ не только личный, но и общественный.* Въ частности не могу скрыть горечи, которую вызываетъ во мнѣ наблюденіе за ролью

въ этомъ дѣлѣ части прессы. Мы переживаемъ такое время, когда къ личности и ея достоинству слѣдовало бы относиться съ особою бережливостію. Печать первая должна была бы подавать примѣръ такого отношенія. Къ сожалѣнію, въ дѣлѣ прив.-доц. Тимофеева интересы личности были принесены въ жертву предвзятости и подозрительности. Врагъ мерещился тамъ, гдѣ его вовсе не было, и право, весь порошокъ гг. Косинскаго, Шпакова и Орженцкаго заставляетъ вспомнить лишній разъ о незабвенномъ „Рыцарѣ Печальнаго Образа“ и его мельницахъ. Газетные отчеты производили впечатлѣніе, что писалось то, что было пріятнѣе, а не то, что соответствовало истинѣ, непреломленной сквозь призму партійнаго міросозерцанія. Какъ будто можетъ быть два рода истины, пріятная и непріятная. Когда, наконецъ, установится непоколебимо мысль объ истинѣ, какъ о понятіи великомъ и самодовлѣющемъ, нетерпящемъ никакихъ эпитетовъ! Если бы газеты, сообщавшія о диспутѣ 9 мая, не отступили отъ этой точки зрѣнія, то, вѣроятно, онѣ не поставили бы чужую личность съ такою легкостью въ варварски жестокое положеніе, извѣстное нашему дореформенному процессу подъ именемъ „оставленія въ подозрѣніи“. Сколько нибудь поправить сдѣланное зло было моею задачей. Боюсь, что я мало успѣлъ въ этомъ, мало—потому что, какъ говорить Вергилій:

Fama malum, qua non aliud velocius ullum.

Бывшій студентъ Спб. университета

Дмитрій Добровольскій.

